

- 5 СЕН 1956

Дневник искусств

Умение радовать

Бывают встречи с прошлым, без которых трудно обойтись, если всерьез думаешь о движении вперед, о будущем. Такой встречей стала выставка работ театрального художника Александра Головина.

Головин в театральной живописи был первооткрывателем. И нынче дело не за тем, чтобы применять и повторять однажды найденное им (это, в общем, и делается — с большим или меньшим успехом); тот, кто хочет учиться у Головина, должен учиться прежде всего его антипатии к штампам, пониманию смысла и прелести театральной новизны.

Свежесть и новизна декоративного решения спектакля у Головина всегда опирается на неповторимость его индивидуальности художника, на своеобразие его жизненных восприятий. При этом он проявляет очень ценное свойство: чем больше штампов налипло на то или иное произведение, тем энергичней идет он «наперекор», тем резче расходится с общераспространенным стандартом. Казалось бы, что стандартней, чем «театральная Испания»? А между тем именно в «испанских» спектаклях Головин — враг шаблона раскрывается полнее всего. Он идет к созданию своих эскизов не от привычных театральных ассоциаций, а от непосредственных жизненных впечатлений. Его декорации к «Кармен», «Каменному гостю», «Арагонской хоте» лучше всего поймешь в сопоставлении с полотнами, мотивы которых вывезены художником из путешествий по Пиренейскому полуострову. Не пеструю страну красивых театральных условностей, — Головин изображает другую, открывшуюся ему Испанию: суровую, обожженную землю, где под прямым, нестерпимым солнцем особенно белы стены, особенно черны строгие наряды женщин, где преобладает особая, замкнутая страстность — в красках, как и в чувствах. Этнографическая точность соблюдена, но она не главенствует; главное здесь — свое постижение живописцем материала, свое отношение к нему.

Великолепно и опять-таки по-своему чувствует Головин русский XIX век. Но в его эскизах к «Маскараду» не только верный дух эпохи, но и дух автора — дух Лермонтова, взволнованный и тревожный, дух пьесы, в которой за точностью бытовых описаний неизменно сквозят романтические ирония и гипербола.

В самом ощущении действительности Головин прост и жизнерадостен, и эти свойства многое определяют в его театральных работах. Головин чудесно понимает радость театра, он помнит, что его назначение — радовать, доставлять наслаждение — никогда нельзя упускать из виду. Театральная живопись Головина сполна осуществляет это назначение.

Декорации Головина красивы. Об этом хочется сказать особо, потому что у нас за последние годы выработался странный аскетизм, недоверчивость к красоте театрального представления. Пренебрегать ею стало своего рода признаком хорошего тона на сцене. А зря.

Говорят, нехорошо, когда художник «забивает» актера. Конечно, нехорошо. Но тот же живописнейший, красочный Головин не «забивал» в «Псковитянке» Шалапина, в «Маскараде» — Юрьева, в «Дон-Жуане» — Варламова... Один из первых на русской сцене, Головин сделал живопись вольной подружкой драматического искусства, музыки, танца. Неужели же мы предпочтем этому вольному содружеству вялую и безличную условливость «оформления».

Творчество Головина сегодня принадлежит истории. И судить о нем надлежит в исторической перспективе, не пытаясь предъявлять художнику, умершему четверть века назад, требования, выработанные пятидесятью годами, но и не пытаясь взять за прямой образец его работы. Раздумья о прошлом нашего театра (а Головин вписал в его историю красочную и талантливую страницу) сегодня важны и необходимы: лишь овладев вполне всем богатством накопленного опыта, можно двигаться вперед. Двигаться вперед! Это желание и рождает выставка работ Головина.

И. СОЛОВЬЕВА.